

Снова стать учителем

Случалось ли вам, повзрослев, зайти в вашу старую школу? Мне — да. Я заглянул туда в прошлом году, в ту самую школу, где когда-то учился, а потом и преподавал: маленькая библиотека, актовый зал, учителя...

В библиотеке всё по-прежнему: книги обернуты в конопляную бумагу, сверху аккуратным почерком подписаны автор и название: Ида Баччини «Тонино в длинных штанишках», Эмма Пероди «Бабушкины рассказы», Паоло Лоренцини (племянник Коллоди) «Расшибалочка и лото», Эпаминонда Провальо «Фруллино, или Удивительный волчок». Недоступные простому мальчишке, они разжигали мое любопытство, ведь эти книги выдавались только самым лучшим ученикам, и я так никогда и не узнал, кто такой Фруллино и что он делал с этим своим волшебным волчком. Об этом знал Марини, мой сосед по парте, — у него было «отлично» по поведению и «хорошо» по прилежанию, так что каждую неделю он получал в награду книгу из библиотеки.

— Кто такой Фруллино? — приставал я к нему. — Что он делает с волчком?

Но те, у кого «отлично» по поведению, никогда не разговаривают с соседями по парте. Марини не отвечал, а если я не отставал, поднимал руку и жаловался учителю.

Теперь Марини — бакалейщик. Когда я захожу к нему в магазин, он тепло меня встречает, угощает лимонадом, но ничего не говорит о Фруллино и удивительном волчке, правда, теперь уже не из вредности: просто он все забыл.

Я прошел в актовый зал моей старой школы, который когда-то казался мне огромным. Там каждый четверг мы всем классом пели гимн «Братья Италии». Я-то знаю, как поют мальчишки: по-настоящему поют только те, кто стоит в первом ряду, остальные лишь открывают рты. А если учитель посмотрит на них с подозрением, они, без тени смущения, ответят невинным взглядом больших честных глаз, в которых как будто написано: «Как! Вы не верите, что я пою? Разве не видно, как я вовремя открываю рот?»

Каким же крошечным стал теперь этот зал! И какой некрасивой и жалкой стала роспись на стенах и потолке!

Как же так?

Может, в детстве всё кажется большим и прекрасным? Но ведь когда я работал здесь учителем, всего несколько лет назад, зал тоже казался огромным, роспись — удивительной, а люстра на потолке — роскошнее, чем в театре...

Так почему же сейчас все это стало таким маленьким и убогим? И отчего так щемит сердце?

Как бы мне хотелось рассказать об этом здешним учителям, которые встречали меня завистливыми взглядами!

— Бросил ты нас... Молодец, карьеру сделал! Много зарабатываешь? — При мысли о моих сказочных заработках у них округлялись глаза. — А мы всё тут, день за днем, год за годом, — всё те же мальчишки, только лица и фамилии меняются...

Хотелось сказать им, с завистью рассуждающим о моей блестящей карьере: «Не бросайте их, этих мальчишек: пока живешь среди них, остаешься в чем-то на них похожим, и маленькие комнаты кажутся огромными залами, а дурацкая

ропись на стенах — очень красивой. Живя среди детей, веришь во множество вещей, о которых, уходя отсюда, забываешь и подумать...»

Хотелось сказать маэстро Пальяни — сутулому седому старичку в очках, который вечно на что-нибудь жаловался: «Везет же тебе: ты все еще ребенок, хоть и сам об этом не знаешь. Читая своим мальчишкам „Сердце“, ты все еще веришь в Марко, который отправляется один в двенадцать лет в Америку на поиски своей мамы. Читая с ними сказки во время перемены, ты все еще веришь, совсем чуть-чуть, в фей, волшебников и добрых старушек, которые то и дело встречаются в лесу и дарят волшебные орешки, приговаривая: „Когда тебе будет грозить опасность, расколи этот орешек, и он обязательно тебя защитит“. И кто знает — ты ведь никому в этом не признаешься, — может быть, в кармане у тебя лежит орешек, такой же, как у твоих мальчишек, таскающих в карманах всё, что только может туда поместиться: пуговицы, гвозди, ключи, засохших майских жуков и, конечно же, резиночки, из которых можно делать рогатки и стрелять бумажными шариками по ногам одноклассников».

Но я ничего не сказал старику Пальяни. Просто слушал, как он жалуется на свою судьбу и завидует моей.

А несколько дней назад он умер, бедный Пальяни... Я узнал об этом, встретив на улице одного из знакомых учителей. В кармане у него нашли орешек. Тот самый, в который он верил и который не успел расколоть, чтобы спастись от опасности.

«Мы всё тут, год за годом, день за днем, — всё те же мальчишки, только лица и фамилии меняются...»

Они не понимали, что я вернулся как раз за тем, чтобы повидать ребят: снова увидеть, как утром они входят

в класс — опрятные, умытые и причесанные, а в полдень выбегают оттуда, лупя друг друга по голове портфелями, с черными от чернил руками и перепачканными мордашками, в галстуках, сбившихся набок. Я вернулся, чтобы увидеть длинный-предлинный коридор с бесконечной чередой классов, проходя по которому можно услышать голос учительницы, которая спрашивает у первоклашек:

- Ну, ребята, сколько у лошади ног? Пятнадцать?
- Не-ет! — отвечает ей хор тоненьких голосов.
- Тогда, наверное, двенадцать?
- Не двенадцать!

И так, постепенно уменьшая количество ног, учительница доходит наконец до правильного ответа.

- Четыре?
- Не-ет! — отвечают малыши с воодушевлением.

В этот момент, приложив ухо к двери, я наверняка услышал бы вздох этой несчастной молодой учительницы, так верившей в свой метод и вдруг обнаружившей, что с его помощью она окончательно запутала малышей.

Нет ни одного учителя, у которого не было бы своего особого метода.

Старик Пальяни, например, когда ему предстояло объяснять, что Земля вертится вокруг Солнца, приходил в школу с апельсином и свечкой.

— Вот это, — говорил он ученикам, держа в руках апельсин, — Земля, а это, — показывая свечку, — Солнце.

Потом он закрывал дверь, занавешивал окна и начинал водить апельсином вокруг чуть пробивающегося сквозь темноту огонька свечи. Делал он это так вдохновенно, как будто и впрямь верил, что апельсин был планетой. Его ученики же в это ни капельки не верили: они не видели ничего, кроме старого полусумасшедшего учителя, который крутил

апельсин вокруг свечи. И пока он старался, они так же старательно надували щеки и стреляли в него через трубочки маленькими бумажными шариками. А самые отважные индейцы, подползая в темноте к учительскому столу, опрокидывали чернильницу на журнал в надежде (как правило, степень отваги в мальчишке зависит от количества двоек в журнале), что чернила навсегда скроют их плохие оценки.

Когда эксперимент заканчивался и класс приобретал привычный вид, Пальяни спрашивал:

— Вы всё поняли? Кто не понял, поднимите руку.

И всегда находился какой-нибудь шалопай, который поднимал руку, и цель его была очевидна. Всем, кроме старого Пальяни. Он трепал мальчика по голове и говорил:

— Ну это же так просто! Свеча — это Солнце, а апельсин — Земля, которая вращается вокруг Солнца... Смотри...

И снова закрывались дверь и окна, и снова начиналось вращение апельсина, и лицо учителя то возникало, то исчезало в темноте, совсем как Земля. Только вот мальчишек интересовала не теория, а практика: им было куда целиться из своих духовых орудий.

Я уверен, что и сейчас на небесах старик Пальяни все так же проводит свои эксперименты в окружении маленьких детских душ, только ангелы, в отличие от мальчишек, совсем не злобные и не стреляют бумажными шариками.

А мои мальчишки?

Я помню их всех до единого: Мартинелли, угощавшего меня надкушенными пирожными; Леонарди, которого я все время наказывал, а он в отместку строил мне рожи, думая, что я не замечаю; Антонелли, который оставался в каждом классе на второй год, да еще и не по одному разу, — он казался взрослым мужчиной рядом со своими одноклассниками, и глаза у него были совсем другие, не такие юные

и блестящие, как у Мартинелли. У Мартинелли же глаза были такие маленькие, что напоминали булабочные головки. Эти глаза вечно смеялись: над одноклассниками, надо мной, над директором, даже над мухами...

Этот мальчишка вечно все пропускал мимо ушей, никогда не учился толком, ходил перепачканный лакричными конфетами и однажды написал в сочинении, что он увидел на улице разрезанную пополам собаку, которая просила милостыню, и склеил ее клеем. Как-то в конце учебного года, когда я наклонился потрепать его по коротко стриженной голове и сказать, чтобы он слушался родителей во время каникул, он обнял меня за шею и расцеловал, измазав чернилами.

В последний день учебы принято возвращать ученикам все, что было у них конфисковано в течение года: игрушечные пистолеты, игральные кости, стеклянные шарики, колоды карт. Но я этого не делал. Я нес домой то, что случалось отбирать у мальчишек, и сам играл их игрушками.

Матери, довольные тем, что их дети меня любили, все же не особо мне доверяли. «Слишком молоденький», — говорили они.

Идеальным учителем им казался пожилой господин, обязательно бородатый и с усами, способный навести ужас на весь класс одним лишь взглядом.

— Да уж, слишком молоденький. По четвергам на «археологической прогулке» играет с ними в футбол! Он скорей на старшеклассника похож, чем на учителя... Да и стихи они у него не учат!

Все матери похожи: они уверены, что учитель хороший, только если их дети учат наизусть торжественные патристические оды и гимны, ну или, по крайней мере, стихи про сверчка.

Я же не заставлял своих мальчишек учить наизусть стихи. Я учил их многим интересным вещам, но незаметно: однажды я принес в класс цветок и устроил им наглядный урок ботаники, в другой раз искусно поймал муху — этот трюк восхищал их — и объяснил на примере, как устроены насекомые. Иногда я делил их на две группы, как на Джиро Д'Италия* — команды Альфредо Бинды и Леарко Гуэрры, и, если они хотели узнать, кто на этот раз победит, им нужно было решить задачку на вычисление времени. Так, из любви к спорту, они учились складывать в уме часы, минуты и секунды — делали с удовольствием то, что иначе было бы для них нестерпимо сложно. В общем, я учил их всему, кроме длинных витиеватых стихов. Мне было бы невыносимо слушать, как восьмилетний малыш читает наизусть оду. Зачем нагружать эти маленькие головы, которые думают о бабочках и мастертят подсвечники из мандариновых шуруков, тяжеловесными строками великого Мандзони?

И они были мне за это благодарны, мои мальчишки.

Однажды они пообещали, что подарят мне в конце года золотую авторучку на память. Когда наступил последний день школы, каждый из них дал по монетке: «Тридцать монет, синьор учитель, — подытожил Мартинелли, — можете купить себе большую золотую ручку...»

Тридцать монет — огромная для них сумма, на которую, правда, не купишь золотую ручку, но я взял ее не возражая, потому что просто-напросто не знал, что сказать: когда наступает последний день учебы, невозможно не растрогаться.

---

* Джиро Д'Италия (итал. *Giro d'Italia*) — популярная многодневная велогонка, проходящая ежегодно по территории Италии. В двадцатые-тридцатые годы многократными победителями Джиро и кумирами всех мальчишек были Альфредо Бинда и Леарко Гуэрра.

По правилам, конечно, учителям запрещено принимать подарки, но, если бы я отказался от тех тридцати монет, я разбил бы тридцать маленьких сердец, мечтавших о том, чтобы у их учителя была большая ручка из чистого золота.

От подарков на Рождество я тоже не отказывался. За несколько дней до праздника матери моих мальчишек приходили прямо ко мне домой, держа нарядно одетого сынишку за руку. У каждой был при себе небольшой сверток. Для пущей важности я принимал их у себя в кабинете.

— Синьор учитель, как ведет себя этот негодник? — спрашивали они и потихоньку, деликатно так, клали сверток на стол.

Я же делал вид, что ничего не замечаю, а сам все думал, что же там внутри, с трудом дожидаясь, когда они наконец уйдут, — так не терпелось развернуть пакет. Пока же, подражая своим старым учителям, я повторял их фразы, те самые, которые столько раз слышал в детстве и которые производят впечатление на мамочек, заставляя их воздевать руки к небу и восклицать: «Вот так учитель!» Я отвечал:

— Ну, он мог бы учиться лучше, гораздо лучше, учитывая его способности...

Мать тут же начинала грозить сыну пальцем, срывала с его головы надетую для случая нарядную морскую кепочку и шептала сквозь стиснутые зубы: «И не стыдно тебе?»

— Болтает на уроках, — продолжал я, — отвлекается, бывает даже, что сильно меня сердит... Дома он как себя ведет?

— Плохо, синьор учитель, ой плохо, сил моих нет. Все время дерется с младшими.

Тогда и я принимался грозить пальцем несчастному малышу, который только согласно кивал головой в ответ на все упреки, и из глаз его прямо на штанишки падали большие слезищи.

— Но, — тут же добавлял я, — он будет вести себя лучше, я уверен, и будет... — это и была та самая фраза, к которой

я вел, желая произвести впечатление на огорченную родительницу, — ...доставлять только радость учителям и родителям, которые так его любят...

При этих словах малыш поднимал голову и смотрел на меня сквозь слезы, но с улыбкой. Довольная мама вставала и прощалась, я провожал их до двери. Спустившись на ступеньку, она говорила сынишке: «Прощайся еще раз с синьором учителем», — тот прощался. Я смотрел на них с важным видом. Но как только за ними закрывалась дверь, я бросался к оставленному на столе свертку, звал сестру и брата, которые все это время подслушивали под дверью кабинета, мы вместе лихорадочно разворачивали подарок и, если это был пирог или вино, тут же устраивали пирушку, нахваливая заботливых мамочек.

Но чаще всего это была какая-нибудь чугунная чернильница в форме гондолы или стеклянный шар с собором Святого Петра внутри. Все это было безвкусно, но мне казалось красивым, и не хватало духу убрать эти вещицы со стола...

Вот почему в прошлом году, когда спустя много лет я вернулся в школу, мне захотелось сказать учителям, сгорающим от зависти к моей карьере и воображаемым сказочным гонорарам: «Не бросайте этих мальчишек. Пока живешь среди них, остаешься в чем-то на них похожим, и маленькие комнаты кажутся огромными залами, смешные картинки на стенах — прекрасной живописью, а стеклянный шар с собором Святого Петра внутри видится Бог знает чем — самой красивой вещью на свете».

